

Норткот Томас

ДОКАЗАТЕЛЬНАЯ МАГИЯ

пределы восприятия
психических феноменов

Издательство "Велигор"
Москва 2023

УДК 133.4
ББК 86.42
П64

Т56 Норткот Томас
ДОКАЗАТЕЛЬНАЯ МАГИЯ. Пределы восприятия психических феноменов (1905). – М.: Издательство «Велигор», 2023. – 308 с.: ил.

ISBN 978-5-91742-307-4

Норткот Уитридж Томас (1868–1936), британский антрополог и исследователь человеческого разума, будучи членом Общества психических исследований, изучал оккультизм обстоятельно и увлеченно. На тему психических феноменов его перу принадлежат две работы, по телепатии и скраингу, которые мы предлагаем вниманию наших читателей.

«Всякая истинная магия должна быть доказательной, то есть основанной на веских доводах и фактах. Отличием доказательной магии от сказочной является систематическое проведение экстрасенсорных экспериментов, сопровождаемых отчетами с описанием, а иногда и глубоким анализом того или иного психического феномена, ставшего предметом изучения».

В этой книге вы найдете не только рассказы о разного рода экспериментах по передаче мыслей и созерцанию кристаллов, но и описание множества магических операций, обрядов и ритуалов из различных культур и эпох.

Перевод – Архипов Алексей

Издательство «Велигор»
г. Москва, м. Кожуховская, ул. 6-я Кожуховская, дом 24, 1 этаж, офис №4
Тел: +7 (495) 784-06-61, +7 (985) 784-08-16.
E-mail: veligor97@gmail.com

Мы в социальных сетях: <https://vk.com/veligor97>

Интернет-магазин: WWW.VELIGOR.RU

Интернет магазин для граждан других стран:
WWW.VELIGOR-BOOKS.COM

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	5
Часть I. Передача мыслей: критическое и историческое обозрение свидетельств в пользу телепатии, с описанием новых экспериментов (1902–1903)	7
Глава 1. Действие на расстоянии, квалификация исследователя-экстрасенса	8
Глава 2. Телепатия – обозначение, а не теория	25
Глава 3. Подсознание. Обычное чувственное восприятие. Гипнотические галлюцинации, транс, ясновидение	30
Глава 4. Как мы осознаем подсознательные идеи. Ментальные впечатления, видения и галлюцинации, автоматическое письмо	44
Ментальные образы	46
Видения	47
Галлюцинации	48
Иллюзии	49
Двигательный автоматизм	49
Глава 5. Спиритуализм и магнетизеры	52
Глава 6. Эксперименты на расстоянии. Передача образов. Телепатические галлюцинации	66
Отчет перципиента	67
Отчет оператора	67
Отчет перципиента	68
Отчет оператора	69
Глава 7. Телепатический гипноз. Телепатические сны	83
Глава 8. Рисунки, цвета, диаграммы	97
Образы	98
Цвета	106
Диаграммы и цифры	108
Глава 9. Эксперименты с картами	122
Глава 10. Итог: будущее исследование	138

Глава 11. Этика критики. Разум и материя. Научное невежество. Основа веры в то, что язык передает идеи.....	143
Очередные возражения.....	153
Глава 12. Как экспериментировать	159
Часть II. Созерцание кристаллов	
и телепатический скраинг	163
Введение	164
Глава 1. Суеверия и скептицизм	193
Глава 2. Видения и прозрения.....	199
Нереальные вещи	201
Остаточное изображение	202
Ментальные картины	203
Гипнагогические галлюцинации	204
Обман чувств	206
Глава 3. Видения в кристалле	208
Глава 4. Зеркало и работа с ним.....	214
Глава 5. Исторический обзор	224
Глава 6. Продолжение исторического обзора	239
Глава 7. Заклинание (вызов).....	253
Глава 8. Египетский скраинг.....	261
Глава 9. Примеры египетского скраинга	274
Глава 10. Пророческий и телепатический скраинг	281
Глава 11. Магический эксперимент	288
Заключение	308

ПРЕДИСЛОВИЕ

С момента основания Общества психических исследований, более двадцати лет назад, была обнаружена масса в целом весьма достоверных материалов по таким предметам, как передача мыслей, созерцание кристаллов, призраки и медиумизм, а также по другим так называемым «оккультным» явлениям. Однако было сделано слишком мало попыток обобщить доказательства и сделать их доступными для рядовых граждан, у которых нет времени прочитать все тридцать томов, опубликованных Обществом. Даже в собственных публикациях Общества, как правило, отсутствует периодическое обобщение доказательств различных явлений и гипотез.

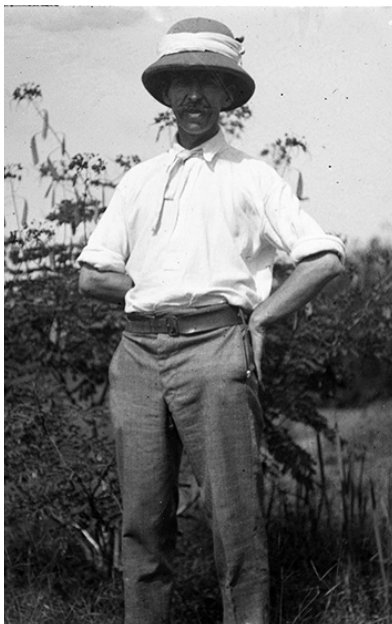
Поэтому я предлагаю обсудить Психические исследования, или Метапсихику, как ее окрестил профессор Рише, в серии работ, в которых будут критически, но вместе с тем благожелательно рассмотрены полученные данные. Там, где исторические и антропологические факты представляют интерес или важность, ими нельзя пренебрегать, но моя главная цель состоит в том, чтобы показать, что именно может считать доказанным разумный человек, не предубежденный против какой-либо из сторон.

Невежественная критика, которой Общество подвергалось в первые дни своего существования, во многих кругах уступила место столь же некритичному принятию его заявлений, но ни в своей доверчивости, ни в своем скептицизме общественность не опирается на знание.

И отрицать, и утверждать одинаково легко, когда, испытывая сильные эмоции, ничего не смыслишь в рассматриваемом предмете. Я надеюсь создать серию учебников, которые сделают как скепсис, так и легкое верие менее простительными.

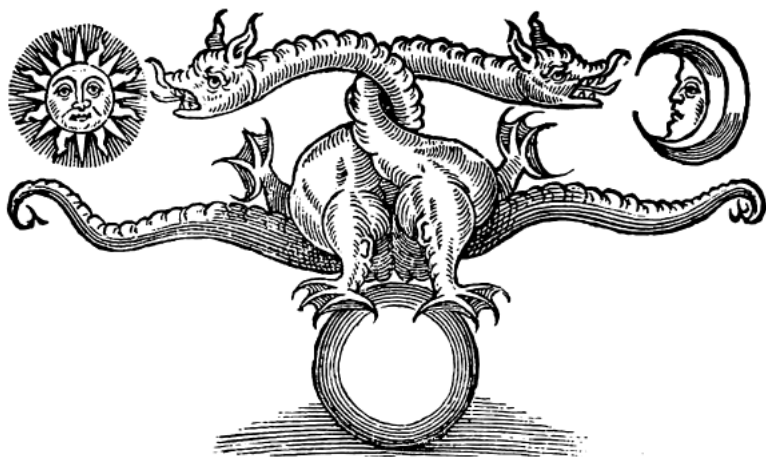
Я в большом долгу перед теми дамами и господами, эксперименты которых описаны в этой книге, за их помощь в опытах, которые зачастую не так уж интересны, да и не всегда успешны. Ко времени сдачи этой работы в печать я потерял контакт с некоторыми из них, поэтому, в отсутствие прямого разрешения на приведение полных имен, указал лишь их инициалы.

Я также очень признателен Совету Общества психических исследований, поскольку они, во-первых, разрешили мне цитировать их материалы, а во-вторых, что особенно важно для меня, предоставили мне право обнародовать неопубликованные результаты экспериментов, проведенных в последние годы, описания которых сейчас находятся в моем распоряжении.

*Норткот У. Томас
апрель 1905 года*

ЧАСТЬ I.
ПЕРЕДАЧА МЫСЛЕЙ:
КРИТИЧЕСКОЕ И
ИСТОРИЧЕСКОЕ
ОБОЗРЕНИЕ СВИДЕТЕЛЬСТВ
В ПОЛЬЗУ ТЕЛЕПАТИИ,
С ОПИСАНИЕМ НОВЫХ
ЭКСПЕРИМЕНТОВ
(1902–1903)

ГЛАВА 1

ДЕЙСТВИЕ НА РАССТОЯНИИ, КВАЛИФИКАЦИЯ ИССЛЕДОВАТЕЛЯ- ЭКСТРАСЕНСА

Некоторые вещи кажутся нам невозможными из-за узкого «диапазона» наших знаний. Мало кто из здравомыслящих людей с хорошим знанием физики возьмется изобретать вечный двигатель. Если же кто-то и вправду придумает его и сочтет, что решил проблему, ему можно показать, что его теоретическое решение противоречит установленным принципам и, следовательно, является ошибочным.

В других случаях хорошо подтвержденным сообщениям о каких-то феноменах все равно не верят, и не потому, что эти утверждения противоречат какому-либо твердому знанию, а по причине нашего невежества. Шаровая молния долгое время считалась невозможной не потому, что она противоречила каким-то известным фактам, а потому, что она не похожа ни на одну форму электрического разряда, которую можно было получить экспериментальным путем. Стоило продемонстрировать в лаборатории нечто аналогичное, как люди сразу же произвели переоценку ранее полученных данных.

В 1882 году было создано Общество, название которого теперь стало нарицательным, для проведения «исследования природы и степени любого влияния, которое может быть оказано одним умом на другой, помимо любого общепризнанного способа восприятия», а также для других целей. В течение первых десяти лет своего существования Общество психических исследований на-

правляло свою энергию в основном на решение вопроса передачи мыслей, или телепатии, спонтанной и экспериментальной. С тех пор изучение этих вопросов в целом замедлилось из-за трансового медиумизма – направления, наиболее привлекательного для публики, а также для спиритуалистической части Общества, но вряд ли рассчитанного на то, чтобы быть плодотворным в отсутствие хотя бы формального предварительного опровержения существования передачи мыслей или определения ее пределов между живыми людьми.

Со времени экспериментов, проведенных в 1889 и 1890 годах покойным профессором Сиджвиком, госпожой Сиджвик и другими, Общество не публиковало длинных серий испытаний. Таким образом, практически не было накоплено новых свидетельств. И если принять во внимание опыт о возможности ошибок, накопленный с ранних дней Общества, эта неспособность накопить новые свидетельства не может не поставить под сомнение результаты, которые в то время казались почти окончательными. На самом деле это сомнение должно лишь усилиться из-за убедительного характера опубликованных доказательств. Если Обществу за прошедшие двенадцать лет не удалось получить в серии сколь-нибудь продолжительных результатов, которые были бы выше вероятности, или настолько выше вероятности, чтобы они исключали случайные вариации в качестве вероятного объяснения, то мы можем либо сделать вывод о том, что способностью восприятия редко обладают в той степени, в какой ею обладали брайтонские перципиенты 1889 и 1890 годов, выбранные, по-видимому, наугад, либо заключить, причем даже с большим на то основанием, что в методе экспериментов был какой-то серьезный, хотя и не выявленный изъян.

Задача этой книги состоит, во-первых, в том, чтобы дать краткий обзор известных нам свидетельств экспериментальной передачи мыслей, а, во-вторых, указать области, в которых люди, не имеющие особых притязаний на знакомство с источниками ошибок в исследованиях психических феноменов и не считаю-

щие себя более удачливыми, чем их собратья, в отношении угадывания мыслей других людей, могут с пользой (если не для себя, то для науки) экспериментировать и показывать, в каком отношении такие эксперименты (даже со скромным успехом с точки зрения тех, кто считает передачу мыслей фактом, который необходимо доказывать опытами с исключительными личностями) могут сделать больше для обоснования теории, чем все более сенсационные работы предыдущих исследователей.

Выше указывалось, что существует два вида скептицизма. В первом случае (его можно назвать научным) отказываются принимать какие-либо доказательства, какими бы хорошими по качеству и количеству они ни были, которые, в случае их принятия, предполагали бы, что оба противоречащих утверждения могут быть истинными. Во втором случае (он является чистым предубеждением и просто примером научного суеверия) отказываются принимать какие-либо доказательства, какими бы хорошими по качеству или количеству они ни были, относительно фактов или предполагаемых фактов, только по той причине, что не удастся согласовать их ни с одним из общепринятых фактов и показать, что они аналогичны какому-то из них.

Говоря так, я, конечно, не имею в виду здравый скептицизм, который отказывается принимать утверждения, не подкрепленные достаточными доказательствами, а лишь подразумеваю позицию ума, при которой человек настолько удовлетворен своим предполагаемым знанием вселенной, что может сообщить человечеству о том, что не хватит никаких доказательств, что эксперименты в таких вопросах – это просто безумие и что от них нельзя ожидать никаких результатов. Иррациональный характер такой установки становится очевидным, когда мы думаем о том, что если бы мы придерживались ее логически, то никаких доказательств не оказалось бы достаточно для того, чтобы убедить нас в существовании какого-либо обособленного факта в природе, сколько бы наблюдений мы ни провели. Мы могли бы, например, отрицать существование земного притяжения, потому что только эта сила

в своих проявлениях кажется нам независимой от времени и пространства.

Научное сообщество (во всяком случае некоторые его представители) объявило телепатию невозможной. Оно сделало это заявление на том основании, что действие на расстоянии невозможно, поэтому ни одна гипотеза, подразумевающая телепатию, якобы не заслуживает рассмотрения. В отношении этих утверждений можно отметить, что далеко не доказано, что действие на расстоянии невозможно. В лучшем случае было доказано, что ни одно из наблюдавшихся до сих пор действий не является действием на расстоянии, и даже это утверждение может потребовать уточнения в случае земного притяжения. Как бы то ни было, любой, кто утверждает, что действие на расстоянии не может быть фактом, потому что оно еще не открыто, находится не в более выгодном положении, чем рабочий, который, впервые увидев паровую машину в действии, пришел к выводу о том, что внутри нее находится лошадь, потому что он знал лишь такой тип нечеловеческой силы. Дикарь и ученый не так уж далеки друг от друга, как кажется некоторым.

Однако далеко не доказано и то, что телепатия в большей степени, чем земное притяжение, предполагает действие на расстоянии. В самом деле, трудно понять, как вибрация физического носителя может передавать мысль. Но это опровергает воззрение, по которому мысль может передаваться, не в большей степени, чем наше неумение понять корреляцию молекулярной активности и сознания опровергает гипотезу о том, что мозг является органом разума. Мы можем с полным основанием спросить, с помощью каких рассуждений было доказано, что сознание локализовано в мозге. Физик говорит нам, что электрический заряд локализован на поверхности проводника, но на самом деле он распределен в пространстве вокруг него. У нас нет никаких оснований предполагать, что в отношении сознания не может быть того же. Все аргументы в пользу обратного предполагают, что отсутствие ощущений (то есть отсутствие одного из обычно распознаваемых

пяти видов ощущений, передаваемых специфическими нервами и четко локализованных при нормальных обстоятельствах) равнозначно отсутствию сознания и что сознание, поскольку это сфера чувств, являет собой сумму чувств, передаваемых нервной системой. Однако это является предметом спора и не может быть принято до тех пор, пока эксперименты, придуманные для этой цели (на самом деле, они могут оказаться неосуществимыми для человеческого разума или фактического проведения), не доказали, что такого «распределения» сознания нет.

Мы можем, опять же, спросить, в каком смысле вообще можно сказать, что сознание локализовано. Конечно, наши органы чувств дают нам знать только о вибрациях, которые воздействуют на нервные окончания, или, другими словами, об импульсах, непосредственно воздействующих на тело. Но это не доказывает, что локализацию можно разумно приписать сознанию. Если мы ощущаем тепло или холод, только когда температура поверхности тела отличается от окружающей, это не является доказательством того, что наше сознание имеет температуру 36,6°. Если облечь материю в другую форму, то сознание, безусловно, насколько нам говорит интроспекция, не относится к пространству. Поэтому мы не можем возражать против исследования возможности влияния одного сознания на другое посредством иных, чем общепризнанные способы ощущения, способов на том основании, что такое влияние обязательно предполагает действие на расстоянии: близость и дистанция в контексте пространства бессмысленны применительно к нашему сознанию и не обязательно применимы к связям нашего сознания с другими сознаниями. Аргумент о том, что телепатия предполагает действие на расстоянии, в данном случае несостоятелен.

Более того, возражения такого рода терпят неудачу по той простой причине, что никакое обобщение на основе фактов опыта не может исключить возможности других фактов, не противоречащих ранее установленным фактам. То, что знание обычно и привычно приходит к нам одним путем, не более исключает воз-

возможность его прихода абсолютно другим путем, чем практически мгновенный разряд электричества при обычных обстоятельствах исключает возможность шаровой молнии и других медленных разрядов.

Контрзуэнтные наблюдения компетентных наблюдателей должны априори приниматься в качестве доказательства до тех пор, пока не будут показаны определенные источники ошибок.

Это подводит нас ко второму моменту. Часто утверждается, что передачей мыслей должны заниматься физиологи и что люди, несведущие в феноменах мозга или ума, некомпетентны. Можно отметить, что ни один физиолог в истории не смог бы объяснить с помощью своей науки, как мы вообще думаем. Если понятие «кошка» связано с определенным расположением молекул в мозге, то все профессора мира не смогут сказать нам, почему у молекул должна быть именно такая конфигурация, и даже не смогут сказать нам, с каким расположением молекул в мозге связано понятие «кошка».

Поскольку передача мыслей ассоциируется с идеями, физиолог явно бесполезен в том, что касается объяснений, хотя, поскольку физиологи с большей готовностью исключают ошибки и экспериментируют как можно ближе к науке, их работа по вопросу телепатии желательна. Но утверждать, что, поскольку какой-то человек исследовал механизм работы нервов или мельчайшую структуру мозга, то у него больше компетентности для обнаружения причин тех ли иных состояний ума, было бы очевидной нелепостью.

Из этого не следует, что физик, понимающий «математику» вопроса, будет лучшим стрелком, чем егерь или браконьер. Из этого также не следует, что человек, получивший большой опыт работы с микроскопами, будет иметь успех в общении с медиумом.

Единственный момент, в котором его знания, в отличие от его экспериментаторского мастерства, будут полезны, касается вопроса о том, в какой степени гиперестезия (анормальное по-

вышение чувствительности к раздражителям органов чувств) у бодрствующего или загипнотизированного испытуемого может объяснить феномены, а также, возможно, какие меры предосторожности следует принять, чтобы исключить такой вариант. В остальном от физиолога столько же пользы, сколько от фонографа. Ибо при надлежащих условиях эксперимента единственный вопрос заключается в следующем: «Показали ли ментальные феномены оператора связь с ментальными феноменами перципиента, которую нельзя объяснить, как результат случайности?»

Учитывая точную запись психических состояний каждого, это не имеет никакого значения, поскольку доказательство, в отличие от объяснения телепатии, касается состояния их мозга. Однако в интересах тех, кто доверяет физиологу, можно указать, что на самом деле вопрос передачи мыслей исследовал не один человек, которому приписывается более чем общеизвестное знание в подобных вопросах, а многие люди и что их исследования не остались без внимания и увенчались успехом. В качестве примера я могу привести профессора Рише, описания экспериментов которого по гипнозу на расстоянии общедоступны.

Занятный комментарий к мнимому превосходству физиологов как исследователей в этих вопросах содержится в письме заклѳтого врага спиритуализма, телепатии и всего остального в этом роде, покойного доктора У.Б. Карпентера, в журнале «Nature», от 30 июня 1881 года. В этом письме он упоминает «чтеца мыслей» У.И. Бишопа и рассказывает об эксперименте, показывающем, что «в нашем выборе среди “безразличных” вещей нами могут руководить влияния, о которых мы даже не подозреваем». Эксперимент заключался в следующем: испытуемый вытягивал карту из колоды, опознавал ее и возвращал обратно. Колоду перетасовали, и оператор сдавал шестнадцать карт лицевой стороной вниз в четыре ряда. После этого испытуемый выбирал ряд. По словам доктора Карпентера, выбранный ряд необходимо было изъять. Таким образом, чтобы эксперимент был признан успешным, в нем не могло быть выбранной карты. Но в том моменте до-

пустимы некоторые сомнения. Так были выбраны три ряда и три карты из оставшегося ряда, причем последняя карта, после того как ее открыли, оказалась идентичной первоначально выбранной карте. Этот эксперимент был с успехом проведен в присутствии доктора Карпентера три раза подряд, причем в последний раз испытуемым был он сам. Выбор рядов или карт в каждом случае производился испытуемым правой рукой, которую господин Бишоп держал в левой, и доктор Карпентер утверждал, что влияние было бессознательно передано этим способом.

Объяснение, предложенное доктором Карпентером, не очень убедительно, и ярый сторонник телепатии будет склонен рассматривать в качестве более вероятной гипотезы телепатическое воздействие. Однако нам не нужно заходить так далеко. Теория доктора Карпентера подразумевает, что господин Бишоп знал, какая карта была выбрана; это автоматически предполагает, если опыт всякий раз проходит успешно, как обман, так и до некоторой степени сценическую магию. Однако из рассказа доктора Карпентера нельзя понять, что были открыто приняты какие-то меры для того, чтобы выбранная карта была среди раздаваемых карт. И даже если бы такие меры были приняты, не было бы ничего, что указывало бы на то, о какой карте идет речь.

Но если учесть весь этот обман, то непонятно, почему мы должны верить, что остальная часть трюка была выполнена способом, предложенным господином Бишопом и принятым доктором Карпентером. Прежде всего, мы не знаем, были ли приняты какие-то меры предосторожности для гарантии того, что эксперимент будет проведен с обычной колодой. Самый простой способ, очевидно, состоял бы в том, чтобы провести его с колодой, состоящей из пятидесяти двух одинаковых карт, при этом собравшимся дозволили бы осмотреть вторую колоду обычного типа. Если это было не так, остается доказать, что оператор иногда не менял свою формулу и не заявлял, что выбранный ряд (или карта) был тем самым (той самой), который надлежит сохранить. И здесь успех, очевидно, должен быть гарантирован. Но даже

если бы это было не так, всегда есть возможность объяснить неудачу, которая является главным средством как цивилизованных медиумов, так и магов из диких краев: оператор всегда мог заявить, когда ряд, содержащий выбранную карту, был удален, как это часто бывает, даже если господин Бишоп выбрал для своей карты место, которое с высокой долей вероятности повлияло бы в его пользу на выбор испытуемого, что карта была в остальной колоде, никогда не была на столе.

Таким образом, у нас есть по крайней мере три других возможных объяснения, ни одно из которых не включает в себя ничего свыше обмана того или иного рода или длительного изучения принципов, на основе которых обычный человек делает три последовательных выбора. В противовес этой последней гипотезе приведите три успешные попытки доктора Карпентера, если их рассматривать как нечто иное, чем исключительную серию. Вполне возможно, что теория доктора Карпентера верна, но если это так, то ему явно недостает одного или, может быть, двух наиболее существенных качеств исследователя психики: либо он не принял никаких мер предосторожности против двух первых из предложенных им методов, либо, если он принял их, то не описал меры предосторожности, которые могли быть подходящими, а могли и не быть таковыми. В любом случае нынешние письменные отчеты об этих экспериментах бесполезны.

Некий рецензент в журнале «Ланцет» с авторитетностью, которая всегда вызывает у нас чувство уважения к его ученым коллегам, готов признать, что исследователи психических феноменов посвятили свои «способности, какими бы они ни были», вопросам, которые они поставили сами. Такое выражение может прозвучать в устах любого обычного человека довольно глупо, когда оно адресовано обществу, в число активных работников которого входят Пленри Сиджвик, Оливер Лодж, Ф.У.Х. Майерс. Несомненно, если бы мы знали имя этого анонимного рецензента, то обнаружили бы, что его позиция вполне оправдана. Как бы то ни было, вышеприведенный анализ письма доктора Карпентера

показывает, что даже физиолог, уделявший особое и явно недружелюбное внимание проблемам спиритизма, передачи мыслей и оккультным вопросам в целом, может оказаться в нелепом замешательстве, когда ему приходится иметь дело с исследованием, которое не представило бы особых затруднений даже для среднего исследователя психики, не говоря уже об эксперте.

Дело в том, что проблемы исследований психических феноменов имеют специфику, из-за которой возникает необходимость в очень специальной подготовке.

Эта специальная подготовка, дополненная общей культурой и знакомством эксперта с какой-либо отраслью науки, дает нам идеального исследователя психики. Но если бы к специальному исследованию нужно было допустить опытного светского человека без научной подготовки или проницательного ученого, не знакомого с проблемами, с которыми ему пришлось бы иметь дело, выбор однозначно должен был бы пасть на человека из науки. Вот и все аргументы против Психических исследований, которые основаны, видимо, на недостаточной образованности их главных сторонников.

И снова у нас есть возражение, что телепатические эксперименты не могут быть воспроизведены по желанию в лаборатории и что их методы и предположения ненаучны. Химик верит в результаты своего труда, потому что при тех же условиях будет получен тот же результат, и он, как и другие ученые, утверждает, что нет ничего по-настоящему научного, что не допускало бы подобных точных экспериментов. Это, однако, означало бы, что мы закрываем глаза на природу науки и на отличительные черты ее отраслей. Если оставить в стороне математику, которая наряду с логикой занимает особое положение из-за того факта, что ее предмет является чистой абстракцией, то науки разделятся на три основные группы:

1. экспериментальные науки, такие как физика, где, по крайней мере теоретически, все условия, считающиеся способными повлиять на результат, могут произвольно варьироваться;

2. науки, основанные на наблюдениях, такие как астрономия, где ни одно из условий не может быть изменено по желанию;
3. смешанные науки, такие как биология, где определенные факторы поддаются произвольному изменению, но большинство в настоящее время находятся вне нашего контроля.

Психологу приходится иметь дело со смешанной наукой, но сам факт, что данный эксперимент не может быть воспроизведен по желанию, является доказательством того, что психология – это не наука, не больше, чем тот факт, что объекты эксперимента могут умереть и пресечь его в зародыше, доказательством того, что биология – это не наука.

Биолог может только выбирать свои объекты и изменять внешние условия; его основной задачей является наблюдение за процессами, над которыми он не властен и о природе которых, в некоторых случаях, таких как размножение, он может составить весьма смутное представление. Бактериолог может вводить свои сыворотки и антитоксины выбранным испытуемым, но, если это всегда будет давать желаемый результат, возникнет большая проблема. И, прежде всего, врач может дозировать своим пациентам лекарства галлонами, а таблетки – тележками, и в результате всего этого пациенту станет хуже, а не лучше.

И все же биология, бактериология и медицина считаются науками чистыми и прикладными, и специалисты по этим предметам почувствовали бы себя оскорбленными, если бы кто-нибудь сказал им, что они ненаучны.

Дело в том, что науку отличает от других отраслей знания не метод и не предмет, а цель, с которой проводятся исследования. Наука – это организованное знание, и исследование научно, если его целью является изучение вопроса таким образом, чтобы прийти к общим результатам или к таким результатам, которые в сочетании с другими приводят к общим выводам.

Наука неизбежно должна изучать индивида, но она делает это для того, чтобы прийти к выводам относительно вида. Откры-

тие общих законов является целью исследования психических феноменов не меньше, чем остальных исследований других феноменов разума и материи. Следовательно, на этом основании нельзя утверждать, что исследования психических феноменов ненаучны. Вольно трактуя термины, мы привыкли говорить об исследовании, методе или, чаще, об отдельном исследователе как о научном или ненаучном.

Под этим понимается не то, что явления, составляющие предмет исследования, находятся за пределами науки – это, собственно говоря, невозможно, если только что данное определение науки верно. Научность в этом смысле относится к допущениям, с которых начинает исследователь, к точности его методов экспериментирования и его манеры фиксировать условия и результаты, к способности или склонности изучающего учитывать все данные, необходимые для справедливой оценки, и к его способности логически выводить заключения из этих данных. И здесь у нас нет оснований отказывать исследованию психических феноменов в научном звании. Ее постулаты существенно не отличаются от постулатов других наук. Если мы в праве предположить, что химик, к примеру, может правильно провести различие между изменениями в своей лаборатории, которые он считает случайно связанными с другими изменениями в той же области, и всеми другими многообразными изменениями в остальной вселенной; или что он может, другими словами, классифицировать одни априорные факторы как причины, отбрасывать другие как несущественные и снова выбирать одни следствия как следствия этих причин, а другие отбрасывать как обусловленные другими, независимыми причинами, не похоже, что мы можем осуждать исследования психических феноменов за постулирование такой же возможности выделения причин и следствий.

Однако обвинение против исследований психических феноменов заключается не столько в том, что допущения о них вредны, сколько в том, что они предполагают недостаточно, как утверждают критики. Это не значит, что постулаты физики, такие как

невозможность действия на расстоянии (что само по себе является недоказанной и недоказуемой гипотезой), обязательно применимы к области психической науки или имеют какое-либо значение в ней. А такой же мере здесь подразумевается готовность рассматривать «окультиные» теории, а объяснения, основанные на принципах, которых придерживается физика, заслуживают порицания, как и любое другое предубеждение ученого, которому надлежит идти туда, куда ведут его факты. Но ясно, что предвзятость в этом направлении не является необходимой частью подготовки исследователя-экстрасенса.

Вместе с тем, если согласиться с утверждением, что физика, которая не может сейчас и, возможно, никогда не сможет дать вразумительное объяснение отношений между разумом и материей, вправе устанавливать закон относительно того, что возможно и невозможно в области психики, то нам предлагается принять совершенно недоказанную гипотезу или, другими словами, начать свое исследование с предубеждением против целого пласта объяснений. От нас требуется не отсутствие предвзятости: этого простого утверждения достаточно, чтобы оправдать подход к исследованиям психических феноменов.

В последнем случае обвинение против исследований психических феноменов часто сводится к обвинению против духа их приверженцев. И его цель, и его процедура могут быть научными, но обычный человек, проявляющий интерес к исследованиям психических феноменов, не является психологом и не подходит к ним с психологической точки зрения. Если это справедливое возражение, то мы можем с равным правом исключить из рядов науки астрономию, потому что большинство людей, смотрящих на звезды, не являются астрономами, или биологию, потому что скотовод интересуется этим вопросом со строго практической точки зрения, или медицину, потому что интерес к ней со стороны непрофессионала подкрепляется не надлежащим научным духом, а скорее удручающе приземленным желанием избавиться от своих болячек. Ретроспективная перепись была бы еще более

эффективной в опровержении притязаний любой отрасли знаний, оцениваемой на основе этих принципов, на звание науки. Но никого не просят слушать некомпетентного человека, который решил заняться исследованиями психических феноменов, так же как никто не обязан слушать сторонника идеи плоской земли или защитника христианской науки, или любого другого сумасшедшего, потому что они имеют дело с теми же феноменами, что и их более рассудительные собратья, носящие титулы профессоров или докторов. Если цели и методы отдельного исследователя являются научными, то целая армия околонуучных коллег никогда не сможет сделать их чем-то другим.

В заключение мы можем принять к сведению еще одно выражение, выдвинутое против исследований психических феноменов: что они необоснованно отделяют от области психологии факты, должным образом относящиеся к ее сфере, и проявляют интерес к ряду явлений, которые по своей природе не психические, а физические и создание которых зависит от обмана. Что касается первого пункта, то смысл существования всей науки в конечном счете заключается в ее полезности для человечества. Если знания бесполезны, они попадают в категорию бесплодного умствования; для такого рода занятий абсолютно неважно, какой его предмет, пока он дает достаточный простор для изобретательности. Психология до сих пор не проявляла склонность решать проблемы исследований психических феноменов; и все же, вероятно, не найдется никого, кто стал бы отрицать их важность. Если науке негоже заниматься этими вопросами, наиболее важным из которых является доказательство того, что обычно называют бессмертием, или, точнее, сохранением личности после смерти, то нам остается только удивляться тому, что астрономам дозволено подготовить «Морской альманах», и признать ученых заблуждающимися, ведь с их точки зрения задача облегчения человеческих страданий не является недостойной для врачавателя.

Пока психология считает не только более важным, но и своим исключительным занятием в отношении эксперимента опреде-

лять, сколько бессмысленных комбинаций букв можно запомнить и воспроизвести после однократного прочтения, или каков наименьший прирост, воспринимаемый различными органами чувств, и подобные занимательные вопросы, по крайней мере до тех пор исследования психических феноменов будут оправдывать ее существование, если не дольше.

Но, следует отметить, подготовка, которая делает человека компетентным в области психофизических явлений, не обязательно сделает его хорошим экстрасенсом, хотя, конечно, она будет ему полезна. Исследователи психики намеренно наметили для себя область, в которую раньше ни один уважающий себя ученый и не помышлял заходить, или, если находился человек, который по опрометчивости делал это, он быстро понимал, по примеру сэра Уильяма Крукса, как мало прав (в глазах его ученых коллег) он имел на звание научного исследователя.

То, что изучающим психические феномены приходится иметь дело с обманщиками, во многих случаях несомненно, и из этого следует, что в фактах, которые в таких случаях являются предметом исследования, нет ничего психологического. Но, прежде всего, факты исследуются для того, чтобы определить, лежит ли в их основе обман.

Исследователи психических феноменов не могут отказаться от изучения случая из-за того, что какой-то мудрец может после опытов заявить, что факты носят физиологический, а не психологический характер, так же как геология не может отказаться исследовать окаменелость, которая, как оказалось, была создана человеком в XX веке, а география – отказаться выслушать де Ружмона, потому что впоследствии он окажется самозванцем.

Даже если бы это было иначе, хотя трудно понять, как можно отказать какой-либо науке в праве определять, какие факты должным образом подпадают в сферу ее применения, исследователям в области психики предстоит проделать важную работу по освобождению человечества от суеверий. Подробный анализ пред-

сказаний гадалки, если бы его можно было довести до сведения ее потенциальных жертв, гораздо лучше помог бы им защититься от ее козней, чем усилия всей полиции мира. Описание методов, с помощью которых прославленный медиум ухитряется обвести своих подопытных вокруг пальца, внушив им мысль о его экстра-нормальных способностях, независимо от того, действительно ли он обладает такими способностями, возможно, как уверяет меня довольно обширный опыт, не убедило бы его постоянных клиентов, но могло бы уберечь других от его ловушек.

Демонстрация правил, по которым слишком часто медиумы, погруженные в транс и материализующие, играют на чувствах тех, кто потерял близких или хороших друзей, чтобы извлечь выгоду из горя скорбящих и их желания увидеть знаки, доказывающие продолжение существования тех, кто недавно покинул сей мир, сделала бы больше для искоренения с лица земли одного из самых подлых мошенничеств, чем все мыслимые научные проповеди о безрассудстве спиритизма и исследований психических феноменов.

Мы признаем, что наркотические лекарства следует употреблять только по рецепту и под присмотром специалистов и что изучение их свойств и воздействия на организм является задачей исключительно экспертов.

При этом следует помнить, что человек, который сам себе адвокат, считает своего клиента глупцом. Если бы мир в целом признал истинность этого тезиса применительно к исследованиям психических феноменов, согласился бы предоставить исследовательскую работу специалистам, то человечество обманывалось бы гораздо реже, а истина в этих вопросах достигалась бы гораздо раньше.

Никто не возлагал бы надежды на сценическую магию, если только ее адепт не является блестящим престижиджитатором, и даже тогда многие фокусы так и остались бы нераскрытыми. Опыт показывает, что даже проницательные наблюдатели совер-

шенно неспособны в точности описать представление фокусника. Их неспособность сделать это делает объяснение трюка через их рассказ о нем невозможным или почти невозможным. Точно так же в психологических вопросах все зависит от точности, а ее можно достичь только тренировкой. Было бы столь же разумно ожидать, что ботаник успешно проведет физические эксперименты, чем искать толкование у любителя исследований психических феноменов.

Ботаник признает, что он не знаком с физикой, но точно так же, как тот факт, что экономика в основном связана с покупкой и продажей, вводит среднего человека в заблуждение, заставляя его поверить в то, что мнение экономиста по финансовым вопросам имеет значение, так и тот факт, что каждый ошибающийся знаком со своими собственными умственными операциями, заставляет его поверить в надежность его суждений по вопросам психологии или исследований психических феноменов.

Если обладание разумом делает человека психологом, то обладание телом должно сделать его анатомом и физиологом. Но у каждого из нас есть свой предел.

